

GENNADY ESTRAIKH

New York University (USA)

 <http://orcid.org/0000-0002-7885-7851>

Воспоминания еврейского районного прокурора из советской Украины

Mikhail Goldis, *Memoirs of a Jewish District Attorney from Soviet Ukraine*, Academic Studies Press, Boston 2024, 150 с.

В популярном российском телевизионном сериале *Ликвидация*, вышедшем в 2007 году, главный герой, Давид Гоцман, руководит отделом по борьбе с бандитизмом Одесского уголовного розыска. Он ветеран войны и, как его должность это подразумевает, член компартии. Не думаю, что создатели фильма преследовали цель показать обобщенный образ еврея, успешно интегрировавшегося в послевоенную жизнь, но им это явно удалось. К концу войны в армии и флоте число евреев-коммунистов превышало 100 тысяч и составляло в то время примерно половину всех партийный евреев¹. Судя по всему, большинство из них были офицерами. В январе 1945 свыше 90 тысяч евреев составляли более пяти процентов всех офицеров. Их доля была еще выше среди старшего командного состава — майоров, подполковников и полковников².

В послевоенном советском обществе был чрезвычайно высок статус фронтовика. Значимость этого статуса усиливалась

¹ M. Edele, *Soviet Veterans of the Second World War: A Popular Movement in an Authoritarian Society, 1941–1991*, Oxford University Press, Oxford 2008, p. 137.

² А.Ю. Безугольный, *Евреи-красноармейцы — участники войны против нацистской Германии: возможности статистического изучения* // К.А. Пахалюк и др., (ред.), *Холокост и еврейское сопротивление во время Второй мировой войны: региональные особенности на Северном Кавказе и в других регионах СССР*, Ben-Zvi Institute, Иерусалим 2004, с. 33.

у члена партии и офицера, пусть даже младшего лейтенанта. Принадлежность к этой категории могла открыть дорогу к поступлению в престижное высшее учебное заведение, к занятию хорошей должности и к дальнейшему продвижению по служебной лестнице. В каких-то случаях у ветерана войны была возможность преодолеть «стеклянный потолок», возникший в основном в конце 1940-х годов и ограничивающий образовательные и карьерные возможности для людей с «пятым пунктом» в анкетных данных.

Немало людей этого поколения написали воспоминания о своей жизни. Для историка эго-документы такого рода представляют несомненную ценность, хотя они, как любые воспоминания, могут содержать ошибки, умолчания и искажения. Нельзя сбрасывать со счетов также желание что-то приукрасить. Важно и то, что работа над такими текстами шла после развала СССР и после эмиграции в другую страну, то есть с достаточно высокой вероятностью события жизни виделись и писались сквозь призму изменившихся идеологических ценностей. Большая часть воспоминаний сохранилась в виде «семейного самиздата», напечатанного в США, Израиле или еще где-то очень небольшим тиражом — для своих близких. Обычно такие тексты даже не значатся в каталогах и остаются лингвистически недоступными внукам и правнукам.

Такая же примерно судьба скорей всего ожидала и книгу Михаила Гольдиса *Пути дороги: воспоминания следователя*, напечатанной 2013-м году. Но внук автора, Марат Гринберг, американский профессор и специалист в области истории советской литературы, перевел ее на английский, снабдил предисловием и комментариями. Получилась полноценная книга. В 2024-ом году она вышла в бостонском издательстве «Academic Studies Press» под названием *Memoirs of a Jewish District Attorney from Soviet Ukraine (Воспоминания еврейского районного прокурора из советской Украины)*. Благодаря этому изданию, воспоминания Гольдиса вышли из категории «для своих». Они заслуженно заняли место в каталогах ведущих академических библиотек. При этом книга не относится к категории научных изданий. Для меня самыми «ненаучно» интересными были главы о женщинах, с делами которых Гольдис столкнулся в ходе своей работы. Эти житейские истории написаны с глубоким сочувствием к страданиям героинь и с преклонением перед их стойкостью.

Как и тысячи других молодых лейтенантов, Гольдис после демобилизации поступил в институт. Он выбрал юридическую

стезю. Мне не удалось найти статистику, отражающую роль евреев в органах прокуратуры Украины в послевоенные годы, но подобную статистику по Белоруссии опубликовал израильский историк Леонид Смиловицкий³. Судя по этим данным, во второй половине 1940-х годов евреи составляли в Белоруссии от 30% до 40% всех студентов-юристов. Высок был и процент работников прокуратуры. Смиловицкий пишет о евреях-юристах:

Они были воспитаны на стереотипах сталинской модели социализма и мало чем отличались от сверстников-неевреев. Евреи-юристы вынуждены были принять окружающую их действительность, и старались к ней адаптироваться. Большинство из них не знали или не пользовались языком идиш, не соблюдали еврейскую традицию. Занятые в органах прокуратуры находились в двойственном положении. С одной стороны, евреи были составной частью карательной системы и обязаны отстаивать ее интересы, а с другой стороны — сами страдали от политики государственного антисемитизма.

На самом деле, в подавляющем большинстве случаев им не надо было к чему-то «адаптироваться» и идти на какие-то компромиссы со своей совестью, так как они выросли в советской системе, «на стереотипах сталинской модели социализма» и были ей органично преданы. Можно также не сомневаться, что те, кто остановили свой выбор на юридическом образовании, включая Гольдиса, не ощущали себя «частью карательной системы» и обычно таковыми не являлись. После окончания учебы они работали в прокуратуре, судебной системе и милиции и занимались расследованием разного рода бытовых и финансовых правонарушений, а также бандитских и хулиганских деяний. В воспоминаниях Гольдиса никакие политические дела не упоминаются. Более того, книга формирует впечатление, что расследования, по крайней мере те, о которых он нашел нужным рассказать, велись строго в рамках действовавшего тогда законодательства. КГБ упоминается только один раз, мимоходом, в контексте рассказа о деле, связанном с преступлениями времен войны.

При этом Гольдис действительно принадлежал к той категории аккультурированных евреев, о которой писал Смиловицкий: он не знал идиша и, что стало обычным для советских евреев, не соблюдал еврейскую традицию. Правда, он, как и большинство евреев Украины вплоть до 1980-х годов⁴, женился на еврейке. Его и вообще советских евреев сложно

³ Л. Смиловицкий, *Участие евреев в работе прокуратуры Белоруссии (1944–1956)*, «Вестник Брестского государственного технического университета» 2015, № 6, с. 25–30.

⁴ В. Константинов, *Еврейское население бывшего СССР в XX веке*, Лира, Иерусалим 2007, с. 69.

назвать полностью ассимилированными — этому препятствовала запись в графе «национальность». Как регулярная молитва, она даже аккультурированным евреям (и не только евреям) напоминала об их бюрократически зафиксированной этнической принадлежности. Их еврейское самосознание проявлялось в разных формах. В книге Гольдиса упоминается много раз, что в своей работе он как-то иначе, обычно с сочувствием, относился к евреям и был рад, если они оказывались невиновными. Его удивило, что еврей обвинялся (как оказалось, ложно) в хулиганстве (с. 58–62). Такого рода правонарушения не были характерны для евреев. Считалось, что они куда чаще переступали закон, совершая то, что каралось как экономические правонарушения.

Гольдис столкнулся с проблемой «стеклянного потолка», когда его начальник объяснил ему, что, как еврей, он не мог претендовать на работу в областной прокуратуре, в г. Хмельницком, и предложил ему выбрать районный центр. Так Гольдис оказался в городе Каменец-Подольский (с. 39–40). Он проглотил обиду и не сменил характер работы, хотя в последние четыре советских десятилетия число евреев в прокуратуре сокращалось. Евреи с юридическим образованием понимали, точнее им зачастую давали понимать, что руководство предпочитало их видеть, если видеть вообще, в качестве юрисконсультов и адвокатов⁵.

Марат Гринберг считает этот эпизод центральным в воспоминаниях деда, потому что он помогает лучше понять не только природу антисемитизма в Украине того времени (о различных проявлениях антисемитизма Гольдис писал в воспоминаниях), но и характер самого Гольдиса (с. 147). Судя по всему, ему, добросовестному и не очень амбициозному человеку, нравилась работа следователя и, возможно, те материальные и бытовые условия, которая эта работа предоставляла для него и его семьи в Каменец-Подольском, красивом старинном городе.

Гольдис описывал свою жизнь. Фактически он не анализировал ее и не пытался ответить на какие-то вопросы. Но читатель его воспоминаний невольно ставит вопросы и пытается дать на них ответы. В этом, как мне кажется, для исследователя советской еврейской жизни, заключается значимость и ценность этой книги.

⁵ Там же, с. 188.